

Слезкин Юрий Львович

Картонный король

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю70

Ю70 **Юрий Львович С.**
Картонный король / Слезкин Юрий Львович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 228 с.

ISBN 978-5-519-73911-5

ISBN 978-5-519-73911-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЮРІЙ СЛЁЗКИНЪ

**КАРТОННЫЙ
КОРОЛЬ**

Книгоизд. „Прогрессъ“.

С.-Петербургъ.

1910 г.

„Т-во Худож. Печати“, Спб., Ивановская, 14.

СЛОВО О КАРТОННОМЪ КОРОЛѢ.

Насъ было пять молодыхъ, восторженныхъ, „начинающихъ“, пять чающихъ „движенія воды“,—два поэта, два прозаика и одинъ художникъ.

Мы собирались каждую субботу по вечерамъ, читали свои произведенія, горячились, спорили.

Мы не намѣчали путей, по которымъ пойдемъ,—потому что всѣ дороги манили насъ и никто не зналъ, гдѣ встрѣтитъ его Завтра,—мы лишь искренно поклонялись красотѣ и служили ей. И орденъ свой называли—орденомъ „Картоннаго Короля“.—Въ честь того Картоннаго Короля, что въ дни веселыхъ карнаваловъ, въ дни лжи и наслажденій—одинъ ведетъ за собой толпу масокъ и умираетъ въ пламени, когда наступаютъ будни, чтобы снова воскреснуть для радостно-лживой Легенды, для творчества Миеа.

Но я молчу... Вамъ отнюдь не занятно слушать то, что думали мы объ Искусствѣ въ раннюю пору своихъ исканій. Довольно вамъ знать, что мы всѣ поклялись быть вѣрными завѣтамъ нашего „Короля“.

И какъ рыцари его,—мы были веселы, смѣлы и изобрѣтательны.

Толстый альбомъ въ оранжевомъ сафьянѣ хранилъ всѣ экспромты, рисунки и замѣтки субботнихъ вечеровъ—это были нашъ дневникъ.

Къ намъ приходили гости—дѣвушки и жены, серьезные студенты и беззаботные моряки, даже „маститые“ служители Аполлона посѣщали „орденъ“.

Молодость и вѣра дѣлали насъ выдумчивыми и живыми—никто не долженъ былъ скучать.

Мы разыгрывали свои крошечныя пьесы, устраивали карнавалы и шуточные посвященія въ свой орденъ.

Каждую субботу выбирался по очереди „Картонный Король“, который вѣдалъ всѣмъ этимъ. Борода изъ морской травы, корона изъ папки и бѣлая мантия—были его регалиями.

Наконецъ, одинъ изъ насъ—юный прозаикъ съ лицомъ Мефистофеля, нашъ „энциклопедистъ“, предложилъ намъ для оживленія вечеровъ кромѣ чтенія своихъ произведеній еще разсказывать другъ другу какія-нибудь занимательныя исторіи. Прозаики согласились на это охотно; поэты поморщились немного—они любили только стихи свои,—но повиновались; художникъ—большой балагуръ и анекдотистъ—ухватился за эту идею съ восторгомъ. Гости радовались; моряки-же, выдавшіе виды, потирали руки—они тоже знали много курьезныхъ былей!

Рѣшено было разсказывать исторіи по очереди, каждому исполняющему въ данный вечеръ роль Картоннаго Короля.

Такъ какъ я нашелъ нѣкоторыя изъ сказокъ забавными, то и записалъ ихъ себѣ на память.

Они составили у меня пять отдѣловъ:—1) сказки о лжи и страстяхъ; 2) о женщинахъ; 3) о звѣрхъ; 4) о тайнѣ и 5) о страданіи.

Я кончилъ.—Пусть говоритъ Картонный Король.

I

Лидіи Леонидовни Фридрихсъ.

КАРНАВАЛЪ.

Я вмѣшался въ яркую толпу масокъ. Звонъ и смѣхъ карнавала дрожали въ воздухѣ. Тонкая паутина солнца искрилась въ золотыхъ украшеніяхъ костюмовъ. Красныя розы-примы свисали съ бѣлыхъ стѣнъ садовъ, а на ярко-желтый песокъ пляжа лѣниво наплывали бирюзовыя волны моря.

И въ походкѣ людей, въ ихъ высокоподнятыхъ головахъ, въ свободныхъ движеніяхъ—чувствовалось забвеніе повседневныхъ дѣлъ и обязанностей; и всѣ они—разные—гномы и великаны, капуцины и рыцари, блѣдныя феи и римскія матроны казались таинственными подъ молчаливыми масками.

Не было сѣрыхъ и черныхъ пиджаковъ, глупыхъ котелковъ, серьезно-однообразныхъ лицъ занятаго люда—былъ ликующій танецъ блесстокъ и красокъ, тайны и любви. Не было безцвѣтнаго дѣлового говора, слѣшныхъ кивковъ головы, бѣглыхъ, равнодушныхъ рукопожатій, невольныхъ движеній рукъ къ карманнымъ часамъ, разбившимъ день на миллионъ маленькихъ клѣточекъ должнаго. Былъ безпорядочный, неутихающій говоръ безчисленно-разнообразныхъ голосовъ, смѣхъ—безпричинный и искренній, жгучія прикосновенія, намеки, игра словъ, нескромные поцѣлуи...

Царствовала жизнь людей—полная заманчивая жизнь людей, оставившихъ на время свои рамочки, свои пугливыя «нельзя», людей развернувшихъ каждый по своему, одѣвшихъ свои любимыя цвѣта, говорящихъ свои любимыя слова. И только маски напоминали о страхѣ человѣка передъ самимъ собой, о боязни

осужденія. Но они же, эти маски, были необходимы. Долгіе годы ярма, повседневной пошлости, короткихъ практическихъ мыслей наложили каинову печать на лица людей,— печать тупости, единообразія, приниженности. Ихъ лица стали такъ-же сѣры, какъ и ихъ костюмы.

И черныя, желтыя, красныя маски скрыли все это. Онѣ манили, онѣ сулили, онѣ намекали... Легкимъ флеромъ таинственности облекли онѣ людей.

На мнѣ былъ золотисто-желтый костюмъ, плотно обхватывающій мои плечи и талию. Желтая шляпа съ чернымъ страусовымъ перомъ красиво лежала на черныхъ выющихся прядяхъ волосъ моего парика.

Два часа занимался я своимъ туалетомъ сегодня.

Съ любовью и тщательностью обдумывалъ мельчайшія детали своего костюма; долго и пристально смотрѣлъ на себя въ зеркало. И было необычно и радостно видѣть себя преобразеннымъ, изящнымъ, красивымъ въ этомъ парикѣ, непохожимъ на другихъ.

Вмѣсто того, чтобы надѣть маску, я рѣшилъ нагримироваться.

У меня были черные вдумчивые глаза, но

отъ слезъ, безсонныхъ ночей, напряженной работы они утратили свой блескъ, и вокругъ нихъ легла некрасивая желтизна. Овалъ лица моего былъ правиленъ, но щеки отъ дыханія города потеряли свою свѣжесть и были сѣры, а лобъ—высокій и строгій отъ думъ и волненій покрылся преждевременными морщинами.

И я рѣшилъ исправить все это.

Я досталъ краски, бѣлила и помаду и преобразилъ свое лицо.

Теперь оно было свѣжо, привлекательно, интересно. И вмѣстѣ съ тѣмъ это было мое лицо.

Остался характерный изломъ бровей и губъ, рѣшительный выгибъ подбородка, строгій профиль лба и носа, вдумчивость моихъ глазъ,—все это только ярче выступило, приобрѣло колоритъ. Все, оставаясь индивидуальнымъ, выиграло въ красотѣ.

Я любовался на свое отраженіе, и волна какого-то еще невѣдомаго, почти животнаго счастья подступала къ моему сердцу.

А когда я вышелъ на улицы, на эти знакомыя мнѣ и опротивѣвшія когда-то улицы и увидѣлъ возбужденныхъ людей, а не толпу; когда я услышалъ ихъ говоръ и смѣхъ, глянулъ на загадочныя маски,—мнѣ показалось,